

ЛЮБОВЬ
КОРОЛЕЙ

Фаллиа
ГРЕГОРИ

БЕЛАЯ
ПРИНЦЕССА

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Philippa Gregory

THE WHITE PRINCESS (COUSINS WAR 5)

Copyright © 2013 by Philippa Gregory
Originally published by Touchstone, a Division of Simon&Schuster, Inc.

Перевод с английского *И. Тогоевой*

Художественное оформление *С. Власова*

Ранее роман выходил под названием
«Первая роза Тюдоров, или Белая принцесса»

Грегори, Филиппа.

Г79 Белая принцесса : [роман] / Филиппа Грегори ; [пер. с англ. И. Тогоевой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 544 с. — (Любовь королей).

ISBN 978-5-04-089514-4

Англия, истощенная многолетней междоусобной войной, обрела мир, завершением которого стало венчание Елизаветы, принцессы дома Йорков, и короля Генриха VII из дома Ланкастеров. Но королевские браки не всегда приносят счастье. Белая принцесса вам расскажет, каково это — любой ценой сохранять хрупкий мир в стране и сдерживать пыл своего подозрительного супруга.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-089514-4

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Замок Шериф-Хаттон, Йоркшир
Осень, 1485 год

Как бы я хотела перестать видеть сны! Боже, как бы мне этого хотелось!

Я так устала; единственное, чего мне хочется, это хорошенько выспаться. Я бы, наверное, проспала целый день, с рассвета до наступления сумерек, которые с каждым днем все раньше окутывают землю, сменяясь ночным мраком. Весь день я только и думаю, как бы мне уснуть покрепче. Но приходит ночь, и я изо всех сил гоню от себя сон и стараюсь бодрствовать до утра.

Я иду в его тихие покои, окна которых закрыты ставнями, и смотрю на медленно догорающую свечу, которая постепенно начинает оплывать и гаснет в точно означенное время, хотя он-то никогда больше света не увидит. Каждый день в полдень слуги поджигают с помощью тонкой свечки очередную большую свечу; и на ней время медленно, час за часом, догорает дотла; впрочем, время теперь для него ничего не значит. Чувство времени совершенно утрачено им, погруженным в вечную тьму, в вечное безвременье, а вот на меня время давит так тяжело. Весь день я жду, когда медленно накатит серый вечер и колокол похоронным звоном известит, что пора идти к повечерию, и я пойду в часовню и помолюсь за спасение его души, хотя он никогда уж больше не услышит ни моего шепота, ни тихого монотонного голоса священника.

А потом мне можно лечь в постель. И я ложусь, но уснуть не решаюсь — слишком мучительны, невыносимы те сны, что тут же приходят ко мне. Мне снова снится он. Снова и снова он является мне во сне.

Весь день я стараюсь улыбаться; от этой улыбки лицо у меня застыло, как маска, — я улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь, показывая зубки, сияя глазами, и при этом чувствую, что кожа на лице натянута и вот-вот порвется, как истончившийся старый пергамент.

Я стараюсь говорить звонким приятным голосом, я произношу какие-то ничего не значащие слова, а порой, когда требуется, даже пою. Но по ночам, упав головой на подушку, я словно тону в глубоких водах, словно проваливаюсь в бездонную пропасть, и подхватившие меня воды обретают полную власть надо мною, они увлекают меня за собой, я плыву по ним, точно русалка. И на мгновение меня охватывает глубочайшее облегчение: мне кажется, что мое горе способно раствориться в этих водах, и они унесут его прочь, как уносит любое горе река Лета, течение которой способно дать забвение, способно увлечь в пещеру снов. Увы, вот тут-то и возникают эти кошмарные видения.

Мне снится не его смерть; это был бы худший из кошмаров — видеть, как он сражается и погибает. Нет, мне никогда не снится та последняя битва¹; я не вижу, как он в последний раз ринулся в атаку, целясь в самое сердце гвардии Генриха Тюдора. Не вижу, как он мечом прорубал себе путь среди врагов. Не вижу, как в сражение вступила кавалерия Томаса Стэнли, как Ричарда вышибли из седла, как он исчез под копытами вражеских коней, как ему отказала правая рука, как он, упав на землю под безжалостным натиском кавалерии, кричал: «Предательство! Предательство! Предательство!» И я не вижу, как Уильям Стэнли поднял с земли его корону и надел ее на голову другого человека.

Ничто из этого мне не снится, и я благодарю Господа хотя бы за эту милость. Я и без того в течение дня думаю только об этом, и от этих мыслей мне никуда не уйти. Страшные кровавые воспоминания преследуют меня весь день, заполняя мой ум и мою душу, однако же поступь моя по-прежнему легка, я веселым голосом веду беседы о том, какая неестественная для этого времени года стоит жара, и земля пересохла, и хорошего урожая в этом году не видать. А вот ночью мне становится совсем плохо, ибо мои ночные мысли и видения куда более яркие и болезненные; порой мне снится, что Ричард жив, что он обнимает меня, будит

¹ Во время исторической битвы при Босуорте, 21–22 августа 1485 г., брата Стэнли, Томас и Уильям, бывшие сподвижниками Ричарда III, предали его. Томас Стэнли, муж Маргарет Бофор и отчим Генриха Тюдора, воздерживался от вступления в бой, пока ему не стало ясно, что Ричард проигрывает; и тогда он обратил свое войско против вчерашнего союзника. Ричард сражался до последнего, но в ходе кавалерийской атаки Стэнли он потерял коня и был убит. Именно Стэнли снял с его шлема маленькую боевую корону и подал ее Генриху. (*Здесь и далее прим. пер.*)

меня поцелуем, и мы гуляем в саду, и говорим о нашем будущем... Мне снится, что я беременна от него, и на моем округлившемся животе лежит его теплая рука, и он улыбается, счастливый, а я обещаю ему, что у нас непременно родится сын, наследник Йорков, который так ему нужен, который так необходим и всей Англии, и нам обоим. «Мы назовем его Артуром, — говорит он. — Мы назовем его Артуром во имя Артура из Камелота¹, во имя Англии».

И боль, которую я испытываю, проснувшись и поняв, что все это мне снова лишь приснилось, становится день ото дня все мучительней. И я молю Господа, чтобы Он избавил меня от этих снов, дал мне силы перестать мечтать о несбыточном.

* * *

Моя дорогая и любимая доченька Элизабет!

Всей душою своей я с тобой, я молюсь за тебя, дорогое мое дитя, но именно теперь, впервые в твоей жизни, тебе придется сыграть ту важнейшую роль, ради которой ты и появилась на свет: роль королевы.

Наш новый король, Генрих Тюдор, повелевает тебе прибыть ко мне в Лондон, в Вестминстерский дворец, и привезти с собой твоих сестер и твоих кузенов². Учти: он так и не отказался от помолвки с тобой! И я жду, что у этой помолвки будет продолжение.

Я понимаю, дорогая, что отнюдь не на это ты возлагала главные свои надежды, но Ричард, увы, мертв, и этот этап твоей жизни закончен. Генрих стал победителем, и теперь наша главная задача — сделать тебя его женой и королевой Англии.

И еще в одном тебе придется меня послушаться: ты должна непременно улыбаться и выглядеть веселой, как это и подобает невесте, приехавшей к своему жениху. Принцессе не пристало делиться своими переживаниями со всем светом. А ты рождена прин-

¹ Артур — легендарный король бриттов, герой кельтских сказаний и центральный образ рыцарских романов Круглого стола; предполагаемым прототипом короля Артура был вождь силюров, живший в VI в. Камелот — место, где находился двор короля Артура, предположительно близ Эксетера.

² Имеются в виду Маргарет и Эдвард, кузены Елизаветы Йоркской; это дети ее дяди, герцога Джорджа Кларенса, родного брата Эдуарда IV, и Изабеллы Невилл, дочери графа Уорика, «делателя королей».

цессой. И к тому же ты — наследница целой череды отважных и смелых женщин. Так что выше нос, моя дорогая, и улыбайся! Я очень жду тебя. И, конечно же, я тоже буду улыбаться.

Твоя любящая мать,

*Елизавета R.¹,
вдовствующая королева Англии.*

Письмо это я прочла очень внимательно, ибо моя мать никогда ничего не говорит прямо и буквально каждое ее слово отягощено несколькими слоями смысловых различий. Я легко могла себе представить, как страстно ей хочется, воспользовавшись очередной и столь удачной возможностью, добраться до английского трона. Это была поистине неукротимая женщина; мне доводилось видеть, как ее заставляли пасть очень низко, но никогда — даже в годы вдовства, когда страшное горе почти сводило ее с ума, — я не видела ее униженной и смиренной.

Я сразу же поняла, почему она требует, чтобы я непременно выглядела счастливой и постаралась забыть, что мой возлюбленный погиб и погребен невесть где², а я теперь должна ковать будущее благополучие своей семьи и против воли вступить в брак с врагом, с тем, кто погубил моего любимого. Генрих Тюдор явился в Англию, всю жизнь проведя в ожидании и стремясь к этой цели, и выиграл решающее сражение при Босуорте, победил законного правителя Англии и моего любовника Ричарда, и теперь и я, и вся Англия стали как бы частью его военных трофеев. Если бы при Босуорте победил Ричард — а ведь никому и в голову прийти не могло, что победителем окажется не он! — я бы стала его любящей женой и королевой Англии. Но он пал под ударами предательских мечей; и предали его те, кто, собравшись под его знамена, присягали ему на верность, клялись биться за него до последнего; а мне теперь предстояло выйти замуж за Генриха и забыть те чудесные шестнадцать месяцев, в течение которых я была любовницей Ричарда и фактически королевой. Ричард был зеницей моего ока, я всем сердцем лю-

¹ Regina (лат.) — королева.

² Чтобы пресечь всякие слухи по поводу возможного спасения короля Ричарда, погибшего на ратном поле, его тело, лишенное не только королевских регалий, но и одежды, было перевезено в город Лестер и выставлено на всеобщее обозрение. Лишь после этого там же, в Лестере, был совершен обряд погребения, однако место отмечено не было.

била его, но он погиб, и мне действительно лучше постараться забыть о том, что в моей жизни были эти полтора года счастья.

Я читала письмо от матери, стоя в арке ворот огромного замка Шериф-Хаттон; дочитав, я повернулась и пошла внутрь; в большом зале было тепло и чуть пахло древесным дымом — там был затоплен центральный камин. Я скатала материно письмо в шарик и бросила в камин, прямо на пылающие поленья, проследив, чтобы оно стгорело дотла. Итак, все упоминания о моей любви к Ричарду и о его обещаниях, данных мне, должны быть уничтожены, как и это письмо. Мне следует тщательно хранить эту и другие тайны, особенно одну. Я с детства была весьма открытой и разговорчивой — ведь я, принцесса, выросла при дворе своего отца, где всегда царилa свобода, куда стекались ученые, художники и артисты, где можно было думать о чем угодно, что угодно говорить и писать; но, разумеется, впоследствии, особенно после смерти отца, мне пришлось обрести все умения настоящих шпионов, и в первую очередь — умение хранить тайну.

Глаза мои невольно наполнились слезами, да и камин сильно дымил, но я понимала, что не имеет смысла плакать, а потому вытерла слезы и пошла искать детей. Просторное помещение в верхнем этаже западной башни служило им одновременно и классной, и игровой комнатой. Этим утром моя шестнадцатилетняя сестра Сесили занималась с младшими пением, и я, поднимаясь по каменной лестнице, слышала их голоса и звуки маленького барабана, на котором отбивали ритм. Когда я распахнула дверь, они на мгновение умолкли, а потом стали требовать, чтобы я непременно послушала то рондо, которое они только что сочинили. Анна, которой было десять, с раннего детства занималась пением с самыми лучшими учителями, а наша двенадцатилетняя кузина Маргарет, обладая чудесным слухом, легко подхватывала любую мелодию; у ее десятилетнего брата Эдварда был чистейший дискант, нежный, как флейта. Я с удовольствием послушала, как они поют, и даже похлопала в ладоши.

— А теперь я должна сообщить вам некие новости, — сказала я.

Мой кузен Эдвард Уорик, унаследовавший свой титул от деда, графа Уорика, «делателя королей», поднял над грифельной доской свою тяжелую голову¹ и с безнадежным видом спросил:

— Это не меня касается? Не Тедди?

¹ Считается, что сын Джорджа Кларенса с детства страдал легкой формой слабоумия и имел непропорционально большую голову.

— Нет, как раз и тебя, и твоей сестры Маргарет, и Сесили, и Анны. Эти новости касаются всех вас. Как вам известно, Генрих Тюдор выиграл сражение при Босуорте и теперь станет новым королем Англии.

Таковы королевские дети: все они сразу помрачнели, но были слишком хорошо воспитаны, так что не проронили ни словечка сожалений по поводу гибели их дяди Ричарда. Они лишь молча и терпеливо ждали, что я скажу дальше.

— Наш новый король Генрих обещал быть добрым правителем для своих верных подданных, — сказала я, презирая себя за то, что, как попугай, повторяю те слова, которые произнес сэр Роберт Уиллоубай, передавая мне материню письмо. — Он зовет всех нас, детей Дома Йорков, приехать к нему в Лондон.

— Ведь это же он станет королем, не так ли? — спокойно заметила Сесили.

— Конечно, он! Кто же еще? — Услышав ее вопрос, я, правда, слегка запнулась, но потом решила не морочить себе голову и попросту отложить пока более подробный ответ на него. — Разумеется, именно он и станет королем. В конце концов, ведь это же он завоевал английскую корону! А нам он собирается вернуть наше славное имя и признать нас принцессами Йоркскими.

Сесили обиженно надулась. За несколько месяцев до того, как король Ричард сел на коня и отправился на поле битвы близ Босуорта, он приказал ей выйти замуж за Ральфа Скроупа, человека совершенно не знатного, почти ничтожество. Он сделал это из опасений, что Генрих Тюдор вполне может выбрать Сесили в качестве своей второй невесты, если ему вдруг придет в голову от меня отказаться. Сесили — принцесса Йоркская, как и я, а потому брак с любой из нас давал определенные права на трон. Я лишилась расположения света, когда сплетники стали утверждать, что я любовница Ричарда, но затем свет до некоторой степени отвернулся и от Сесили, когда Ричард сознательно ее унизил, приговорив к браку с человеком, заведомо находившимся на куда более низкой ступени. Теперь моя сестра заявила, что по-настоящему Ральф Скроуп мужем ей так и не стал, а потому она и не воспринимает этот брак как состоявшийся, и наша мать непременно постарается этот брак аннулировать. Однако пока что все считали ее леди Скроуп, женой одного из потерпевших поражение йоркистов, и даже если мы получим обратно свои королевские титулы и снова станем принцессами, ей придется вспомнить и это новое имя, и то унижение, которое

принес ей брак со Скрупом, хотя теперь никто и понятия не имел, где ее бывший супруг находится.

— А знаешь, Элизабет, это ведь мне следовало бы теперь стать королем, — сказал вдруг десятилетний Эдвард, дернув меня за рукав. — Ведь дядя Ричард назвал своим наследником именно меня, не так ли?

Я повернулась к нему.

— Нет, Тедди, — ласково пояснила я. — Королем ты стать никак не можешь. Это верно, ты сын Дома Йорков и дядя Ричард действительно однажды назвал тебя своим наследником; но теперь, когда он погиб, следующим королем станет Генрих Тюдор. — Я заметила, как дрогнул мой голос, когда я сказала «он погиб», и, переведя дыхание, начала снова: — Дядя Ричард умер, Эдвард. И ты это прекрасно знаешь, не так ли? Ты понимаешь, что нашего короля Ричарда больше нет? И теперь тебе никогда уже не быть его наследником?

Он посмотрел на меня так беспомощно, что мне показалось, будто он совсем ничего не понял; потом его большие ореховые глаза наполнились слезами, он отвернулся и, склонившись над грифельной доской, стал вновь старательно выписывать буквы греческого алфавита. Я некоторое время смотрела на его русую голову, думая о том, что это его немое, точно у животного, проявление горя в точности схоже с моим. Вот только мне приказано все время быть веселой, разговорчивой и каждому улыбаться, что я и делаю.

— Он никак не может это уразуметь, — еле слышно сказала Сесили, стараясь, чтобы ее не услышала Мэгги, сестра Эдварда. — Мы ему все это уже сто раз говорили, сто раз объясняли. Но он слишком упрям и ничему не желает верить.

Я быстро глянула на Мэгги, которая спокойно сидела рядом с братом, помогая ему правильно писать буквы, и подумала: а ведь и я, должно быть, столь же глупа и упряма, как Эдвард, поскольку тоже никак не могу поверить в реальность случившегося. Казалось, только что Ричард повел в наступление свое непобедимое войско, и уже в следующее мгновение нам принесли весть о том, что он потерпел поражение. А трое из самых близких его друзей, те, кому он больше всего доверял, его предали; они выжидали, сидя в седле, когда он бросился в безнадежную атаку, полетел навстречу собственной смерти; они спокойно наблюдали за этой смертельной схваткой, словно это обыкновенный турнир, на небе светит солнце, они — просто зрители, а он — рыцарь, надеющийся на победу; словно это всего лишь игра, которая может закончиться так и этак, а главный приз, несомненно, стоит подобных усилий.

Я покачала головой. Если я буду думать о том, как Ричард скакал один навстречу своим врагам, спрятав мою перчатку за нагрудной пластиной доспехов, ближе к сердцу, я непременно опять расплачусь, а моя мать велела мне улыбаться.

— Итак, мы едем в Лондон! — весело сказала я, словно была этому очень рада. — В королевский дворец! Мы снова будем жить все вместе в Вестминстере — вместе с нашей матушкой и нашими маленькими сестренками Кэтрин и Бриджет.

Дети герцога Кларенса, теперь оставшиеся сиротами, при этих словах снова посмотрели на меня; в глазах у них плескалась тревога.

— Но где будем жить мы с Тедди? — спросила Мэгги.

— Скорее всего, тоже вместе с нами, — бодро заявила я. — Я, во всяком случае, очень на это надеюсь.

— Ура! — обрадовалась Анна, а Мэгги принялась тихонько толковать Эдварду, что мы поедem в Лондон и он сможет проделать весь путь верхом на своем пони, как настоящий маленький рыцарь. Сесили, взяв меня за локоть, оттащила в сторонку и, не отпуская моей руки, принялась выпрашивать:

— А как же ты? Новый король все-таки собирается на тебе жениться? Неужели он сквозь пальцы посмотрит на то, что ты тут вытворяла с Ричардом? Неужели он готов забыть всю эту историю?

— Не знаю! — сердито сказала я и отняла у нее руку. — И потом, насколько известно, никто ничего с королем Ричардом «не вытворял». И уж ты-то, моя дорогая сестрица, в первую очередь не должна была бы заметить ничего предосудительного и уж тем более о чем-то таком болтать! Что же касается Генриха, то я не знаю, собирается он на мне жениться или нет, но именно это нам всем в первую очередь и нужно выяснить. Ответить на этот вопрос может только один человек: он сам. Или, возможно, двое: он и эта отвратительная старая карга, его мать, которая уверена, что может решить за него все на свете.

На Большой Северной Дороге¹ Осень, 1485 год

Когда стоит мягкая приятная погода, столь часто свойственная сентябрю, путешествие на юг всегда доставляет особое удовольствие, так что я сказала нашему эскорту, что нам нет нужды никуда торо-

¹ Большая Северная Дорога, в настоящее время магистраль А1, — дорога Лондон—Эдинбург.

питься. Дни стояли солнечные, было почти жарко, так что мы делали совсем небольшие переходы, тем более что младшие дети ехали верхом на пони и просто не могли более трех часов подряд проводить в седле. Я тоже отправилась в путь верхом, причем в мужском седле; этого гнедого гунтера подарил мне Ричард, надеясь, что я всегда смогу ехать с ним рядом, и сейчас я была рада находиться в пути, в движении, рада, что мы наконец уехали из замка Шериф-Хаттон, принадлежавшего Ричарду, который мы с ним вместе когда-то мечтали превратить во дворец, способный соперничать с Гринвичем. Я была рада, что рассталась с чудесными садами, где мы с Ричардом когда-то гуляли; и с тем просторным залом, где мы с ним танцевали под аккомпанемент самых лучших музыкантов; и с той часовней, где он, взяв меня за руку, клятвенно пообещал, что мы поженимся, как только он вернется с поля брани. С каждым днем я все больше удалялась от этих памятных мест, но, увы, надежды на то, что я сумею расстаться и с воспоминаниями об этих местах, у меня не было. Я думала, что дорожная усталость одержит победу над моими мучительными сновидениями, однако они и наяву преследовали меня, и порой мне казалось, что я почти слышу, как они, точно призраки, легким галопом неустанно следуют за мной.

Мой кузен Эдвард был в восторге от этой поездки; он наслаждался свободой, которую дарила ему Большая Северная Дорога, с удовольствием общался с людьми, которые то и дело попадались нам на пути; ведь многим хотелось посмотреть, что осталось от королевского семейства Йорков. Каждый раз, как наш маленький отряд останавливался, чтобы передохнуть, сразу же, откуда ни возьми, возникала толпа людей, которые благословляли нас, снимая шапки и кланяясь Эдварду, единственному оставшемуся в живых наследнику Дома Йорков, хотя Дом этот ныне и потерпел сокрушительное поражение. Многие уже слышали, что вскоре английский трон займет новый король — никому не известный уроженец Уэльса, чужак, незваным прибывший то ли из Бретани, то ли из Франции, то ли еще откуда-то из-за *narrow seas*¹. Маленькому Тедди страшно нравилось делать вид, что он и есть будущий законный король, который направляется в Лондон для коронации. Он кланялся и махал рукой, снимал с головы шапочку и улыбался, когда люди, толкаясь,

¹ *Narrow seas* (англ.) — пролив Ла-Манш и Ирландское море (буквально: «узкие моря»).

устремлялись из своих домов и лавок на центральную улицу какого-нибудь очередного маленького селения, через которое мы проезжали. Хотя я каждый день и твердила Эдварду, что мы едем на коронацию нового короля Генриха, он тут же забывал об этом, стоило кому-нибудь крикнуть: «За Уорика!»

Мэгги, его сестра, пришла ко мне вечером накануне нашего въезда в Лондон и спросила:

— Принцесса Елизавета, могу я поговорить с вами?

Я улыбнулась ей. Бедная маленькая Мэгги! Ее мать умерла в родах¹, и девочке пришлось стать для новорожденного Тедди и матерью, и отцом, и хозяйкой в доме, хотя она сама еще не перестала носить короткие платьица. Ее отца, герцога Джорджа Кларенса, казнили в Тауэре по приказу моего отца и с одобрения моей матери, но Мэгги никогда не проявляла никаких признаков затаенной ненависти к нам. Хотя всегда носила на шее медальон с прядью волос своей матери, а на запястье браслет с серебряным амулетом в виде бочонка — в память об отце². Всегда очень опасно находиться в непосредственной близости от трона; и Мэгги даже в свои двенадцать лет прекрасно это понимала. Дом Йорков вечно пожирал собственных детенышей, точно чересчур нервная кошка.

— В чем дело, Мэгги?

Ее лоб прорезали морщины — свидетельство тревоги.

— Мне страшно за Тедди.

Я молча ждала, зная, как она предана брату.

— Я не уверена, будет ли он в безопасности, — прибавила она.

— Почему? Что тебя так тревожит?

— Ведь Тедди — единственный мальчик в роду Йорков, точнее, единственный их наследник, — сказала Мэгги. — Разумеется, есть и другие Йорки, например дети нашей тети Элизабет, герцогини Саффолк³; но Тедди — единственный оставшийся в живых наследник Йорков по мужской линии, ведь и ваш отец, король Эдуард,

¹ В 1476 году Изабелла, жена герцога Кларенса, родила своего четвертого ребенка, который вскоре умер, и она, не сумев оправиться после тяжелых родов, тоже умерла; первенец ее также умер вскоре после рождения, так что в живых остались двое — Маргарет и Эдвард.

² Неоднократно уличенный в предательстве своим братом, королем Эдуардом IV, Джордж Кларенс был казнен в Тауэре в 1478 году; когда король спросил, какой смертью он предпочитает умереть, он попросил утопить его в бочке мальвазии.

³ Сестра короля Эдуарда IV.

и мой отец, герцог Кларенс, и наш дядя, король Ричард, — все они теперь мертвы.

Я почувствовала, как при этих словах в душе моей загаенной болью отозвалась некая знакомая нота, словно я стала лютней, струны которой были натянуты болезненно туго.

— Да, — эхом повторила я, — да, все они теперь мертвы.

— И у троих сыновей Йорка не осталось в живых ни одного сына, кроме Эдварда. Он — единственный мальчик среди наследников нашего Дома.

Она неуверенно глянула на меня. Никто так и не знал толком, что именно случилось с моими братьями Эдуардом и Ричардом, которых в последний раз видели играющими на зеленой лужайке перед лондонским Тауэром или машущими рукой из окошка в Садовой башне. Наверняка никто ничего сказать не мог, но все считали, что мальчики убиты. А то, что было известно мне, я хранила в строжайшей тайне, хотя знала я, к сожалению, не так уж много.

— Прости меня, — неловко извинилась Мэгги, — я не хотела тебя огорчить...

— Ничего страшного, — бодро сказала я, хотя любой разговор о моих бесследно исчезнувших братьях причинял мне острую боль. — Неужели ты боишься, что Генрих Тюдор и твоего брата упрячет в Тауэр, как это сделал с моими братьями король Ричард? Неужели тебе кажется, что и наш Эдвард может никогда не выйти оттуда?

Мэгги нервно комкала подол своего платья и молчала.

— Я не уверена, что его вообще следовало везти в Лондон! — вдруг вырвалось у нее. — Возможно, мне следовало нанять корабль и уплыть на нем с Тедди к нашей тете Маргарет во Фландрию? Но я даже не знаю, как это делается. Да и денег, чтобы нанять судно, у меня нет. И я не представляю, кого я могла бы попросить мне помочь. Как ты думаешь, Элизабет, может быть, нам действительно следовало поступить именно так? Ведь если бы я увезла Тедди отсюда, тетя Маргарет наверняка стала бы о нем заботиться хотя бы во имя любви к Дому Йорков. Скажи, как нам лучше поступить? И не могла бы ты узнать, как можно нанять судно?

— Думаю, король Генрих не причинит Тедди вреда, — сказала я. — Во всяком случае, прямо сейчас он явно ничего против Тедди предпринимать не станет. Возможно, позже, когда почувствует, что уже утвердился в роли короля и трон под ним не шатается, а люди перестали следить за каждым его шагом и предсказывать, как он по-